

© 1991 г.

МУРАВИЦКАЯ М. П.

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИЧЕСКОЙ  
ОМОНИМИИ В УКРАИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Понимание омонимов, в частности семантических, как слов, возникших из полисемичного слова в результате творческого процесса<sup>1</sup> — «утраты говорящими чувства былой связи значений» ([3]; см. также [4]), предполагает при исследовании конкретного материала экспериментальное обращение к интуиции носителей языка. На основе языкового чувства информантов, косвенно подтверждающих в психолингвистическом эксперименте очень слабую семантическую связь между сопоставляемыми омофоничными лексемами, исследователь может квалифицировать последние как омонимы в отличие от семантически связанных лексем полисемичного слова. Необходимость анализа связи значений для решения проблемы тождества слова — основной единицы языка, установления границ, разделяющих полисемию и омонимию, была подчеркнута в лексикологической дискуссии 1957—1959 годов. Так, не соглашаясь с В. И. Абаевым, не без оснований озабоченным обилием омонимов в словарях, но считаящим омонимию лишь игрой случая и выразившим мнение о невозможности возникновения омонимов из полисемичных слов ([5];) см. также [6]), Л. Л. Кутина отметила: создание словаря предполагает также и определение того, что носители современного языка воспринимают как одно слово, т. е. установление реального тождества слова, основанного на осознании смыслового единства всех его значений, которое в свою очередь основывается на ощущении говорящими живой связи между элементами его структуры, его значениями ([7]; см. также [8]).

Психолингвистический эксперимент обнаруживает неизбежные колебания в оценках носителями языка связи между значениями слов: известно, что значение, социальное по своей природе, индивидуально осмысливается говорящим. Целесообразность количественного уточнения этих колебаний обосновал Л. В. Щерба. Отвечая на упреки в ненадежности экспериментальных данных, он писал: «...индивидуальная речевая система является лишь конкретным проявлением языковой системы, а потому исследование первой для познания второй вполне законно и требует лишь поправки в виде сравнительного исследования ряда таких „индивидуальных языковых систем“» [9]. Эту же точку зрения разделял и Л. А. Булаховский. На вопрос: нет ли в опоре на сознание говорящего

<sup>1</sup> Звуковое тождество языковых форм «...значит не то, что в языке ослабело творчество, а то, что мысль не нуждается более в этой внешней опоре, что она довольно сильна и без нее, что она пользуется для распознавания формы другим, более тонким средством, именно знанием места, которое занимает слово в целом, будет ли это целое речью или схемой форм» [1]; омонимы — «...законные дети языкового творчества...» [2, с. 48], их рост и распространение «...лежит глубоко в природе языка и отвечает его задаче экономно использовать ограниченное число знаков для всей суммы психологических и логических возможностей» [2, с. 53].

при решении семасиологических проблем грубого субъективизма? — ученый ответил: нет. Уточняя свое понимание свидетельствами других, учитывая лингвopsихологический опыт говорящего, исследователь преодолевает опасность субъективизма [10]. В отличие от Л. В. Щербы и Л. А. Булаховского отрицательное отношение к психолингвистическим экспериментам в разграничении лексических омонимов, возникших в результате ослабления семантических связей в полисемичном слове, выразил (как и А. М. Пешковский [11]) Д. Н. Шмелев: «Ссылки на „языковое сознание“ говорящих здесь не могут помочь, поскольку, как показывают наблюдения, говорящим как раз свойственно стремление видеть что-то общее в смысле слов, имеющих одинаковое звуковое выражение. Показательно, что „языковое сознание“ сближает и этимологически различные, но вследствие различных причин совпавшие по звучанию слова» [12]. Действительно, в экспериментах, в которых информантам предлагается найти связь между омонимами, информанты находят ее даже между этимологическими омонимами, тем более если такая задача ставится и к тому же подразумевается, что эту связь нельзя не найти: ведь информанты нередко воспринимают эксперимент как проверку способностей. На вопрос: «Как вы думаете, почему *ключ* „источник“ называется так же, как *ключ* от двери?» информанты отвечают: «„Вода где-то за *к л ю ч е н а* и пробивается тоненьким *р у ч е й к о м*“ или „вода — *к л ю ч* жизни“ и т. п.» [13]. Но информанты находят связь не только между омонимами. В направленном эксперименте устанавливается ассоциативная связь между любой парой слов; она устанавливается также и в результате анализа словаря — по общности элементов, используемых в дефинициях [14]. Это свидетельствует о том, что в лексической системе — согласно с языковым чувством говорящих — все элементы семантически (ассоциативно) связаны. Но, — как доказали психологи [15, 16], — это не означает, что сила такой связи одинакова для различных значений. Поэтому при их дифференциации, в частности, при разграничении, с одной стороны, значений в пределах одного слова и, с другой — значений различных слов, омонимов, целесообразно обращаться к различиям в степени семантической связанности [17].

Поскольку и значения полисемичного слова, и омонимы обладают тождественными формальными свойствами, формальный критерий разграничения этих семасиологических категорий является недостаточным [18], что, следовательно, предполагает применение семантического критерия, а значит, и его психолингвистическую объективацию. Так, не только омонимы, но и лексико-семантические варианты многозначного слова характеризуются различной (лексической и синтаксической) сочетаемостью, входят в различные словообразовательные, синонимические, тематические группы. Последнее убедительно подтверждается психолингвистическими экспериментами [19, с. 12—14]. Кроме того, в речи, как и в свободном ассоциативном эксперименте, связь значений полисемичного слова с другими его значениями не осознается говорящими<sup>2</sup> — речевая реализация значений полисемичного слова не отличается от речевой реализации омонимов [19, с. 10].

<sup>2</sup> Слово может иметь много значений, «...но в отдельной фразе и говорящий, и его слушатель приписывают ему одно определенное значение, не думая при этом не только о синонимических словах, но и о других значениях данного слова» [20]; «если бы было верным положение, что всякое слово всегда несет с собой все свои значения одновременно, то мы при разговоре всегда испытывали бы то раздражение, которое вызывает у слушателя ряд каламбуров» [21].

Сродство же формальных и содержательных свойств полисемии и омонимии не исключает различий этих семасиологических категорий слов, прежде всего различий в степени связанности значений. Поэтому учитывая взаимодействие значений в лексико-семантической системе языка, следует предположить, что, во-первых, степень связанности различных значений в полисемичном слове различна; во-вторых, степень связанности между значениями в полисемичном слове выше, чем между значениями полисемичного слова и возникшим на его основе омонимом; в-третьих, между полисемичным словом и его омонимом существуют переходные случаи. Эти предположения проверены в психолингвистическом эксперименте на материале современного украинского языка [17].

Цель такого эксперимента — анализ количественных оценок носителями языка степени семантической связи между лексико-семантическими вариантами, т. е. психолингвистическая реализация семантического критерия разграничения полисемии и омонимии. В анализе устанавливается, какие формально-лингвистические и ассоциативно-семантические факторы содействуют или препятствуют ощущению носителями украинского языка одних лексико-семантических вариантов в качестве таких, которые имеют сильные или достаточно сильные связи в многозначном слове. Других как имеющих менее сильные связи, характерные для переходных случаев между полисемией и омонимией, третьих — слабые либо совсем незначительные, свойственные омонимам. Материал эксперимента — контексты с полисемичными и омонимичными существительными: *вид, визор, вогонь, дзвін, дзвіночок, захід, захоплення, ключ, коник, корінь, коса, край, лист, листопад, місяць, схід* — из текстовой картотеки «Частотного словника сучасної української художньої прози» [22] и из лексической картотеки Института языковедения им. А. А. Потебни АН УССР. Информантами были сотрудники этого же института (40 человек, родной язык — украинский)<sup>3</sup>, которым предлагалось определить степень семантической связи между подчеркнутыми в двух сравниваемых текстах словами по 11 балльной шкале оценок от 0 до 10 баллов включительно и по принципу: чем ближе значения, тем выше балл, и наоборот. Полное совпадение значений сравниваемых слов — 10 баллов, отсутствие семантической связи — 0. На основе данных эксперимента подсчитывалась средняя экспертная оценка степени семантической связи между сравниваемыми словами и мера ее колебания [24]. Например: «Це було в Харкові... в золотім місяці вересні» (О. Гончар) — «Була жахлива ніч степової бурі, на небі місяць літав з хмари на хмару, сухі блискавки сіклися в повітрі» (Ю. Яновский). Средняя оценка степени семантической связи между выделенными в предложениях словами равна 2 баллам, а мера колебания средней: 0,5. Это значит, что 95% всех ответов информантов расположены в интервале от 1 до 3 баллов. В предложениях «Березень — місяць вітрів, пробудження і передчуття» (Л. Дмитерко) — «Місяць зійшов, прадавнє козацьке сонце, на якому тепер наш вимпел лежить» (О. Гончар) средняя оценка не отличается от предшествующей (средние оценки для различных пар контекстов отождествляются, если различие между ними не превышает 10%).

В оценке степени близости сравниваемых слов значительную роль

<sup>3</sup> По нашей методике [17] был проведен аналогичный эксперимент [23] со студентами (филологами и историками), который подтвердил основные выводы эксперимента с профессионалами (экспертами) — прежде всего носителями языка, а затем — лингвистами.

играет интуиция информантов филологов не только как носителей языка, но и как исследователей. К тому же восприятие носителями языка беллетристического текста влияет воплощенная в тексте интуиция его автора — и как носителя этого же языка, и как художника, оттеняющего значения слов поэтическими смыслами. Чтобы усилить проявление непосредственной интуиции информантов (чутья, а не знания языка) и в какой-то степени избежать влияния различных контекстуальных смысловых нюансов при установлении общей средней оценки, контексты чередовались в такой последовательности, которая почти исключала возможность их классификации. Эксперты пытались вспомнить, какую оценку они уже называли в подобных случаях, но эти случаи были отдалены не менее, чем шестью другими сопоставлениями, к тому же предлагавшимися информантам не в один и тот же день. Каждая следующая пара контекстов предъявлялась после того, как была оценена предыдущая. Приведем фрагмент эксперимента и интервалы колебаний средних оценок степени семантической связи: «Ах, знаю, знаю! По такому дні гусиний *ключ*, майнувши вдалині, в старих грудях розбудить серце юне» (М. Рыльский) — «Ти чуєш? Десь вода дзвенить підземними *ключами*» (М. Рыльский): 0,2—1,0. «І в небі *місяць* білорогий шука між хмарами дороги» (В. Сосюра) — «Я гордий долею солдата нових віків, коханий край! На партквитку мосму дата: двадцятий рік і *місяць* май» (В. Сосюра): 1,0—3,0. «Південні ночі майже без вечорів, тільки *захід* одпалав — уже темніє раптово, небо вже — тьма космосу з крупинками зірок де-не-де» (О. Гончар) — «Смутно в степу. Розпечене сонце уже на *заході*» (А. Довженко): 8,3—9,9. «А вітер ласкавий з південного *краю* повіки цілує мені» (В. Сосюра) — «Синь і синь над морем без *краю*» (В. Сосюра): 0,4—1,6. «І в *косах* перша срібна волосинка нагадує про осінь і печаль» (М. Рыльский) — «І лється давн *коси* серед густих отав, і коник на гачку спадає в тихий став» (М. Рыльский): 0,2—0,8. «На *сході* троянди світання в хитанні гілок золотих» (В. Сосюра) — «Ми йдемо зустрічати *схід* сонця» (О. Гончар): 6,3—7,9. «Косив білу від ромашки і голубу від *дзвіночків* траву» (М. Стельмах) — «Ми *дзвіночки*, лісові *дзвіночки*, славим день» (П. Тычина): 8,3—9,9. «Високо десь гусиний лине *ключ*» (М. Рыльский) — «Били джерельні *ключі*» (И. Цюпа): 0,2—1,1. Согласно ответам информантов самую слабую семантическую связь имеют словоупотребления *коса* — этимологические омонимы, а самую сильную — *дзвіночки*, а также *захід* — различные употребления одних и тех же значений. Интересно и важно, что при этимологической омонимии связь не равна нулю, а при тождестве значений — десяти баллам. В порядке ослабления степени семантической связи исследуемые слова могут быть расположены следующим образом: *дзвіночки* (цветы), *захід* (запад), *схід* (восход солнца и восток), *місяць* (на небе и календарный), *край* (сторона и конец), *ключ* (клин и источник), *коса* (волосы и оружие).

На основе количественных оценок носителями языка степени связи значений слов можно установить относительную границу между омонимами (0—3,5 балла) и между лексико-семантическими вариантами одного слова (3,5—10 баллов). Прерывание шкалы оценок степени семантической связи языковых единиц может быть и более дифференцированным: этимологические омонимы — преимущественно 0—1 балл, семантические омонимы — в основном 1—3,5 балла, периферия полисемии (как результат взаимодействия значений в структуре слова и различной степени функционального ослабления их связи) — 3,5—6 баллов, центр полисемии (высокая с точки зрения носителей языка степень связи значений) —

6—10 баллов. В точках, отмечающих условные границы, находятся переходные случаи.

Психолингвистический эксперимент раскрывает условность границ между категориальными группами значений слов: не только между полисемией и исторической (семантической) омонимией, но и между семантическими и этимологическими омонимами. Для носителей языка актуальные связи значений, определяемые функционированием слов в общении, в текстах, являются более важными, чем генетические [25]. Поэтому хотя связь между семантическими омонимами (возникшими в результате значительного ослабления связи значений в многозначном слове) оценивается информантами в основном выше, чем между этимологическими («случайными») омонимами, все же оценки части семантических омонимов совпадают с оценками этимологических.

Так, во-первых, степень связи семантических омонимов, например, *ключ* (от замка) и *ключ* (клин): 0,8—2,4 выше, чем этимологических *ключ* (источник) и *ключ* (от замка), а также *ключ* (источник) и *ключ* (клин): «Протікають *ключі*, протікають студені» (М. Стельмах) — «І лебединий *ключ* понаді мною, як парусами, крилами дзвенить» (М. Рыльский): 0,2—1,1. При этом омонимы *ключ* (от замка) и *ключ* (клин) возникли в результате противопоставленности существенной, функциональной характеристики предмета *ключ* (орудие, средство) — внешней, формальной, но основной для значения *ключ* (клин), подчеркиваемой, например, следующими контекстами: «Ледве проступає на тьмяно-блакитній високості червона зоря Альдебаран на сході, вона піднімається все вище і вище, скоро все сузір'я, всім видимих зір, проступить на потемнілому небі — *гострим кутом*, журавлиним *ключем* вічності» (Ю. Яновский), «Тихо кличуть *ключі* журавлині, і за горами тане їх *clin*» (Т. Масенко). Если же новое значение образовалось на основе не внешнего признака предмета, а, напротив, расширенного использования существенного — функционального — свойства: «засіб відмикання» и, следовательно, «засіб розкриття, розуміння чогось — *ключ* до серця, до душі» (метафора от физического к психическому), то связь между исходным и производным значениями получает в психолингвистическом эксперименте высокую оценку: «Йн не треба підбирати якихось там *ключів* до людських душ, шукати довіри» (О. Гончар) — «Зачинив двері, замкнув їх, кипув *ключ* на стіл» (Л. Смелянский): 7,0—7,9. Аналогично и в случае противопоставленности динамики статике: *вихор* («вітер») и *вихор* («волосся») согласно оценкам информантов (1,0—2,2) являются омонимами. При этом в первом омониме выделяются лексико-семантические варианты: «Все мчить, лине, крутиться, біжить, вгорі, вишу — невпинний рух усюди, течуть полями *вихорі* струмисті» (М. Рыльский) — «*Вихор* тривожних почувань і думок» (А. Донченко): 6,3—7,7. Здесь производное значение усиливает исходное, а не противопоставляется ему. В слове *вогонь* (которое согласно оценкам информантов не имеет омонимов) связь метафорического значения с исходным оценивается так же, как и в предыдущем случае «Як я умру на світі запалає покинутий *вогонь* моїх пісень» (Л. Украинка) — «Підкинули іще одно поліно, воно стріляло, схоплене *вогнем*» (М. Бажан): 6,4—7,6. Во-вторых, степень связи семантических омонимов типа *вид* («красвид», «вигляд», «обличчя») и *вид* (классификационное понятие, «видовий») оценивается информантами так же, как и этимологических: 0—0,8. В основе внутренней формы исходного значения лежит признак, характеризующий внешнюю, при этом воспринимаемую, а не постигаемую черту, что подчеркивается словообразовательным рядом *видіти*,

видітися, видний, видніти, виднітися, виднішати, видно, видовисько, видовище, включаючим експрессивные единицы. Функциональная противопоставленность внутреннего внешнему, усиленная противопоставленностью постигаемого воспринимаемому, как путь ослабления семантических связей, свидетельствует о неслучайности такого ослабления и образования омонимов, актуальные связи между которыми оцениваются носителями языка как очень слабые. Характеризуясь в целом более высокой степенью семантических связей, чем степень связи этимологических омонимов, семантические омонимы имеют широкий диапазон колебания средних оценок, то приближающийся к интервалам колебания оценок этимологических омонимов, то удаляющийся от них. Так, интервал оценок семантических омонимов *край* («кінець», «межа») в устойчивом выражении *без краю и край* («місцевість»: *безмежний край — безкрайній, безкрай край*) пересекается с интервалом оценок этимологических омонимов: «З неба темного невпинно ллється дощ *без краю*» (Л. Украинка) — «Давно в далекому рідному *краї* я чула казку» (Л. Украинка): 0,4—1,6. Пересечение интервалов оценок характерно и для омонимов, один из которых употреблен в отрицательном предложении: «А ранок наливає в прозору чашу, що *край* не має, рожевого цілющого вина» (М. Рыльский) — «велика ріка рідного *краю*» (А. Довженко): 0,7—2,9. Интервалы оценок степени семантической связи *край* («місцевість») и *край* («кінець») без отрицания не пересекаются с интервалом оценок этимологических омонимов: «Посеред неба гнеться на південь чумацький шлях, і між його доспілими зорями тремтять і осипається на *край* землі срібний пилок» (М. Стельмах) — «Так і залишили його з тими васильками в руді, з польовими квітами рідного *краю*» (О. Гончар): 1,5—3,5 (переходный случай от полисемии к омонимии). Степень семантической связи в этих случаях можно проверить возможностью синонимической замены: *рідного краю* (*рідної землі*) — *на край землі*.

В ослаблении степени семантической связи и, следовательно, в образовании омонимов (и переходных случаев между периферией полисемичного слова и омонимией) значительную роль играет не только противопоставленность функции предмета его форме, но и различие функциональных свойств предметов, обозначаемых омонимичными словами, в частности *лист* (дерева), *лист* (письмо), *лист* (стали): «У присмерку осінньої алеї збирають діти каптановий *лист*» (М. Рыльский) — «Над мене гір шатри зелені, ремні навхрест через плече, і *лист* Марії у кишені солодким пломенем пече» (В. Сосюра): 1,2—2,1, «Наступного *листа* він тобі, певне, напише вже знаками давніх інків» (О. Гончар) — «*лист* сталевий»: 1,6—3,6, «*лист* дерева» — «*лист* сталевий»: 2,2—3,8. Сходство формы, общность внешних признаков предметов, на основе которой возникли эти значения, уступает место функциональным различиям, что и дает возможность носителям языка считать слабой степенью семантической связи между анализируемыми словами, а исследователю квалифицировать их как омонимы: *лист* (дерева и письмо) и как переходные случаи между омонимией и периферией многозначного слова: *лист* (письмо и сталь), *лист* (дерева и стали).

В то же время несмотря на категориальные различия *дзвін* (предмет и действие) информанты оценивают этот случай как промежуточный между периферией и центром полисемии «Бив на сполох церковний *дзвін*» (Ю. Смолич) — «О *дзвоне* крапель весняних» (М. Рыльский): 3,8—6,2. Ассоциации, препятствующие образованию омонимов, поддерживаются здесь звуком [дз]. Около 70% слов современного украинского литера-

турного языка, начинающиеся на [дз], обозначают звуковые процессы и явления: *дзелень, дзеленчання, дзеленькання, дзеленькіт, дзеленчати, дзеленькати, дзеленькнути, дзеленькотіти, дзеленькотати, дзень, дзенькати, дзенькіт, дзенькотіння, дзенькнути, дзенькотати, дзінь, дзінь-дзінь*. Не случайно слово *дзвін* используется в тексте с аллитерацией и ассонансом: «Чотири вершники полетіли у темінь, а з дзвіниці урочисто обізвалась мідь *дзвонів*» (М. Стельмах). «А над усім мідяно гудів басом *дзвін*» (А. Головка). Близость значений подчеркивается в тексте их взаимодействием: «І чогось цей земний *дзвін* здавався відгомном *дзвонів* далеких дзвіниць» (М. Стельмах): 5,0—6,6. Степень семантической связи между *дзвінчик* («квіти») и *дзвіночок* («маленький дзвін») дает возможность рассматривать *дзвіночки* («квіти») в качестве периферийного значения многозначного слова: 3,2—5,8. Несмотря на то, что внутренней формой *дзвіночки* («квіти») служит общность внешних признаков: сходство формы (аналогично и в русском: *колокольчик* — *колокольчики*), в метафорическом тексте возможно наложение смыслов и, таким образом, оживление внутренней формы *дзвін* (звучание): «А на гребні покосу тремтіли і безутішно плакали останніми сльозами тендітні, наче виткані з неба, *дзвіночки*» (М. Стельмах).

На сохранение семантических связей между значениями полисемичного слова влияет и прозрачность словообразовательной структуры: *листопад* — «опадання листу», «час, коли падає лист» и «місяць опадання листу»: «Сьогодні в лісі справжній *листопад*: клени обсипаються від найменшого подиху вітерця» (А. Донченко) — «Це було, здається, в *листопаді* — крига затяглась між берегами» (М. Рыльский): 5,1—6,9 (переходный случай между периферией и центром полисемии). При этом внутренняя форма слова *листопад* в значении «осінній місяць» («лист падає») служит его поэтической характеристикой.

Итак, если признаки и функции предметов, обозначаемых исходным и производным значениями, противопоставляются, то образуются омонимы, имеющие различную степень слабой семантической связи: *вид, лист, ключ* (от замка и клин). Если же ассоциации поддерживаются звуковой (*дзвін*) или словообразовательной структурой слова (*листопад*), то, несмотря на различие признаков и функций, омонимы не образуются: значения оцениваются либо как периферийные либо как переходные между периферией и центром полисемии. И, наконец, если признаки и функции не только не противопоставляются, а, напротив, подчеркиваются в новом значении, становятся его основой, внутренней формой, то такое производное (метафорическое) значение находится в тесной связи с исходным, что обогащает полисемию слова, в частности, при развитии значений от физического к психическому: *ключ до душі, вихор думок, вогонь поезії*.

Психолингвистический эксперимент позволяет оценить степень семантической связи не только между производным омонимом и исходным значением — одним из значений многозначного слова — но и с каждым значением последнего, а также между всеми парами значений полисемичного слова, определить, таким образом, его центр, периферию и переходные случаи между центром и периферией. Так, в словоупотреблениях *корінь* информанты выделяют как близкие значения *корінь дерева* — *корінь зуба*: 7,5—8,5 (центр полисемии) и *корінь дерева* — *корінь зла*: 5,1—6,8 (переходный случай между центром и периферией), так и отдаленные. Они характеризуются — согласно интуиции информантов-филологов — следующими оценками: *корінь дерева* — *корінь слова*: 2,5—4,5 (переход от периферии полисемии к омонимии), *корінь дерева* — *корінь*

*квадратный*: 0,4—1,9 (омонимы). При этом различные терминологические значения оцениваются в качестве омонимов: *корінь слова* — *корінь квадратный*: 0,7—2,3. С точки зрения филологов степень связи терминологического лингвистического значения выше, чем математического, не только с исходным *корінь дерева*, но и с метафорическим: *корінь зла* — *корінь слова*: 3,1—5,5 (переход от полисемии к омонимии), *корінь зла* — *корінь квадратный*: 0,8—2,4 (омонимы).

В словоупотреблениях *захід* на основе ответов информантов разграничиваются многозначное слово *захід* и его омоним *захід* (мероприятие), который находится в омонимических отношениях с каждым из значений полисемичного слова. Многозначное слово *захід* имеет сложную структуру. В нем выделяются три последовательно связанных лексико-семантических варианта: *захід сонця* (процесс) — *захід* (место, где заходит солнце, «обрій») — *захід* («сторона світу»). При этом отношения между соседними звеньями цепочки демонстрируют связи, характерные для центра полисемии, а связь между крайними звеньями — переход от центра к периферии. Сравним: «*Захід сонця віщував негоду*» (Ю. Яновский) — «В глибині *заходу*, в хаосі хмар, все дужче палахкотить величезна купа вогню, купа сонця» (О. Гончар): 6,4—7,7; «*Захід згас багряний*» (М. Рыльский) — «Холодний осінній вітер дмухав із *заходу*» (Ю. Яновский): 6,8—8,6 и «Намалював картину *заходу*, коли сонце палає» (Ю. Яновский) — «Поїзд мчав із *заходу* на схід» (П. Панч): 3,8—6,2. Таким образом, в структуре полисемичного слова на основе оценок информантов выделяется связующее звено *захід* (место, где заходит солнце) между процессуальным значением *захід* (закат) и локальным *захід* (запад). С процессуальным значением тесно связано метафорическое употребление «*захід вечірній життя*» (П. Грабовский), выражающее значение времени: 6,3—7,7, и слабее связано (переход от центра к периферии) значение, выражающее характер действия, «*кількість заходів гвинта*»: 4,3—6,3. В то же время это последнее — омоним к значению *захід* («сторона світу»): 1,1—2,7, по отношению к которому, в свою очередь, «*захід вечірній життя*» является переходным между омонимией и периферией полисемии: 1,4—3,5. В слове *схід* (часть значений которого антонимична значениям слова *захід*) выделяется цепочка, аналогичная цепочке в слове *захід*: *схід сонця* — *схід* (место, где восходит солнце) — *схід* («сторона світу»), в которой тесно связаны между собой также только соседние звенья. Сравним оценки соседних звеньев: 6,0—8,2 и 6,5—9,1 с крайними: 4,2—6,2. Отношения в полисемичном слове *схід* усложняются энантиосемией: *схід на гору* — *схід з гори* (движение вверх и вниз). Согласно оценкам информантов значение *схід з гори* является омонимом по отношению и к *схід* (восход) и к *схід* (восток); значение же *схід на гору* — омонимично только относительно *схід* (восток), а по отношению к *схід* (восход) является периферийным. Лексикографическое представление случаев, когда в структуре полисемичного слова с одним из двух связанных между собой значений третье значение связано, а с другим оно образует омоним или является переходным между полисемией и омонимией, должно учитывать — при установлении лексико-семантических границ многозначного слова — не только непосредственные связи значений, но и связующее звено в его структуре.

Психолингвистический анализ омонимии как семасиологической категории показывает, что семантическая омонимия является следствием взаимодействия значений в структуре полисемичного слова<sup>4</sup>. Полисемия

<sup>4</sup> Анализируя психическую основу языковых категорий, И. А. Бодуэн де Куртене писал, что в языке действует сила бессознательного обобщения, при помощи ко-

(с ее центром и периферией) и омонимия отличаются различной степенью связанности значений, которая зависит от функциональных свойств значений и от способов их представления в слове. Между полисемией и омонимией — согласно с языковым чутьем говорящих — нет резкой границы: существуют переходные случаи. В ответах информантов отражаются не только индивидуальные колебания при восприятии значений, но и результаты взаимодействия значений в лексико-семантической системе. Поэтому при категориальном прерывании семантического континуума — условном разграничении полисемии, переходных явлений и омонимии — необходимо опираться на интуицию носителей языка.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. Т. I—II. М., 1958. С. 66.
2. *Булаховский Л. А.* Из жизни омонимов // Русская речь. Ч. III. Л., 1928.
3. *Булаховский Л. А.* Введение в языкознание. Ч. II. М., 1953. С. 48.
4. *Фортунатов Ф. Ф.* Сравнительное языковедение // Избр. труды. Т. I. М., 1956. С. 133—134.
5. *Абаев В. И.* О подаче омонимов в словарях // ВЯ. 1957. № 3. С. 40.
6. *Благовещенский О. В.* Заметки об омонимах и их подаче в словаре // ВЯ. 1973. № 6. С. 125.
7. *Кутина Л. Л.* К вопросу об омонимии и ее отражении в словарях современного русского языка // Лексикографический сборник. Вып. IV. М., 1960. С. 41.
8. *Потапов С. М.* К обсуждению вопроса об омонимах // ВЯ. 1959. № 2. С. 49.
9. *Щерба Л. В.* О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 34.
10. *Булаховский Л. А.* Дестимологизация в русском языке // Булаховский Л. А. Вибрані праці в п'яти томах. Т. 3. Київ, 1978. С. 346.
11. *Пешковский А. М.* Понятие отдельного слова // Пешковский А. М. Методика родного языка, лингвистика, стилистика, поэтика. Л.; М., 1925.
12. *Шмелев Д. Н.* Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973. С. 96.
13. *Арсеньева М. Г., Строева Т. В., Хазанович А. И.* Многозначность и омонимия. Л., 1966. С. 5.
14. *Караулов Ю. Н.* Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М., 1981. С. 20.
15. *Виноградова О. С., Эйслер Н. А.* Выявление систем словесных связей при регистрации сосудистых реакций // Вопросы психологии. 1959. № 2.
16. *Лурия А. Р., Виноградова О. С.* Объективное исследование динамики семантических систем // Семантическая структура слова. М., 1971.
17. *Муравицкая М. П.* Психолингвистический критерий разграничения лексических омонимов // Научная конференция «Вопросы описания лексико-семантической системы языка»: Тез. докл. Ч. II. М., 1971.
18. *Ахманова О. С.* Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957. С. 111—113.
19. *Залевская А. А.* Психолингвистические проблемы семантики слова. Калинин, 1982.
20. *Покровский М. М.* Избранные работы по языкознанию. М., 1959. С. 82.
21. *Вандриес Ж.* Язык. М., 1937. С. 170.
22. Частотний словник сучасної української художньої прози. Т. I—II. Київ, 1981.
23. *Левицкий В. В.* Опыт экспериментального разграничения лексической полисемии и омонимии // Психолингвистические исследования. Лексика. Фонетика. Калинин, 1985. С. 4—14.
24. *Перебийніс В. С.* Методи дослідження // Статистичні параметри стилів. Київ 1967.
25. *Смирницкий А. И.* К вопросу о слове (проблема «тождества слова») // Тр. Ин-та языкознания АН СССР. 1954. Т. IV. С. 49.
26. *Бодуэн де Куртене И. А.* Некоторые общие замечания о языковедении и языке // Избр. труды по общему языкознанию. Т. I. М., 1963. С. 58—60.

торой народ — как носитель языка — подводит все явления душевной жизни под известные общие категории; система языковых категорий при этом аналогична системе небесных тел, обусловленной силами тяготения: если связь данной языковой единицы с родственными образованиями забыта, то эта единица обособлена от группы связанных единиц. Ученый подчеркивал, что чутье языка — не выдумка, не субъективный обман, его можно определить по его свойствам и действиям, подтвердить объективно, доказать фактами [26].